

ОТЗЫВ

официального оппонента, к. иск. Вороновой Ариадны Александровны, на научно-исследовательскую работу Мальцевой Светланы Владиславовны «АРХИТЕКТУРА СЕРБИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА. МОРАВСКАЯ ШКОЛА», представленную к защите в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04. – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Кандидатская диссертация Светланы Владиславовны Мальцевой посвящена всестороннему изучению одной из крупных проблем в истории мировой архитектуры. Памятники сербской средневековой архитектуры (т. наз. моравской школы) – такие как Раваница, Любостыня, Ресава, Каленич, Наупара – являются признанными шедеврами каменного зодчества, и каждое обращение к ним требует высокого профессионализма и ответственности, а тем более при совокупном анализе архитектуры изучаемой эпохи, когда эти произведения создавались мастерами, работавшими на сербских землях. Сразу следует отметить фундаментальный характер диссертации, во многом обусловивший значимость полученных ее автором результатов для науки. Серьезность исследования определяется и качеством проводимого в ней анализа целого комплекса актуальных вопросов раннесредневековой архитектуры восточнохристианского мира. Это первая в российской науке русскоязычная работа по моравской архитектуре Сербии.

Актуальность исследования обусловлена его целью — пересмотреть и уточнить сложившееся некорректное представление о последнем этапе развития сербской церковной архитектуры — и эта цель достигнута, заявленные задачи работы выполнены и отвечают главам диссертации. Представленная работа, несомненно, вносит ценный вклад в изучение и новое понимание моравской архитектуры, как специфически сербского явления, суть которого определялась сознательной ориентацией элиты на национальные традиции, проявляемой в направленности ктиторских архитектурных программ. Работа содержит новое и важнейшее для понимания специфики местной средневековой архитектуры исследование приделов сербских храмов, связанных с особыми культами, положенными в основу сербской церковно-политической идеологии (захоронениями и поминовениями ктиторов и почитанием святых покровителей сербского государства и Церкви).

Структура диссертации выстроена абсолютно логично. Первая глава представляет собой историографию вопроса. Состав проанализированной в работе литературы показывает знакомство С.В. Мальцевой с последними исследованиями архитектурных памятников Балкан и со взглядами на процессы развития зодчества и культуры в целом. Отраженное в солидном списке литературы сотрудничество диссертанта с ведущими историками сербской архитектуры также способствует новизне представленных результатов. Диссертант обоснованно полемизирует с предшественниками и современниками, отстаивая свой взгляд на те или иные проблемы.

Главная структурная особенность второй главы работы С.В. Мальцевой заключается в анализе последовательного развития архитектурной традиции, выявлении композиционных и стилистических новшеств в архитектуре, что создает ощущение целостности архитектуры эпохи. Это позволяет связать поэтапное развитие архитектуры с ходом исторических событий, причем глубокие знания автора по истории и культуре балканских стран приводят к осознанию важной взаимосвязи между политическими событиями, ролью ктиторов построек и появлением разного рода новаций. Этому способствует и активное привлечение литературных источников житий и иконографических данных, сербской и греческой научной литературы.

В третьей главе работы серьезно исследуются вопросы историографии и генезиса оригинальных местных архитектурных типов, в частности, триконхов. Истоки их иконографических схем исследователь справедливо видит в античных мемориальных сооружениях, причем одновременно подчеркиваются и локальные основы этих композиций. Автор замечает не только сходства с традиционными местными и византийскими композиционными решениями, но и выявляет конкретные образцы, на которые ориентировались создатели храмов. Все это в полной мере демонстрирует мастерское применение в работе метода иконографического анализа, который приводит автора к выводу о том, «что возобновление строительства триконхов было связано с использованием их боковых экседр в качестве приделов, связанных с ктиторскими захоронениями, поминальными обрядами и культами сербских святых», отражающим идею святородности династии Неманичей.

В Заключении представлены основные выводы диссертационного исследования. Можно согласиться с выводом автора о том, что введенный Г. Милле термин «моравская школа», до сих пор используемый в научной литературе, не может применяться к этой группе памятников, поскольку в ней обнаруживается слишком большое типологическое и стилистическое разнообразие. В отличие от рашского или

сербско-византийского периодов, в это время действительно можно предполагать работу одной или нескольких артелей, связанных с княжеским двором. Поэтому нельзя не согласиться с гипотезой автора, что лишь несколько построек эпохи князя Лазаря были возведены его придворной мастерской, продолжившей свою работу и при Стефане Лазаревиче, в пользу чего свидетельствует типологическое сходство планов, во многом близкий масштаб построек, пропорции, принципы развития объемно-пространственной композиции, конструктивные особенности. Логично систематизированы датировки и классификация этапов изучаемых памятников: подготовительный этап (третья четверть XIV в.) и два основных – эпоха князя Лазаря и десятилетие после его смерти (последняя четверть XIV в.) и эпоха деспота Стефана и его преемников (первая половина XV в.). Верно утверждение автора, что «моравские храмы в большей степени ориентированы на ту интерпретацию темы византийского пятиглавия, которая уже была осуществлена в эпоху Милутина и лучше всего воплощена в Грачанице», т.е. здесь имело место направленное логичное переосмысление византийского наследия. Таким образом, все выводы работы отличаются высокой степенью обоснованности, достоверности и новизны научных положений, что подтверждает серьезный личный вклад соискателя, восполнившего существенную лауну в разработке данной научной проблемы.

В работе логично выстроены все рассуждения и ясен ход мысли автора; текст обладает завершенностью, легко и интересно читается, написан хорошим стилем. Отметим и глубокое знание диссертантом памятников архитектуры Сербии, которое обнаруживает опору не только на широкую, в том числе современную литературу, но и на собственные наблюдения, сделанные во время многочисленных поездок автора по самым удаленным уголкам Сербии. Именно знание фактического материала, в полной мере представленное в натурных и архивных исследованиях построек, а также в большом количестве публикаций автора по изучаемой проблеме, позволило в работе делать серьезные теоретические предположения, имеющие под собой реальную почву.

Следует отметить некоторые замечания и пожелания к работе, в частности, к одной из заявленных задач исследования, которая звучит так: «определить соотношение этих памятников с предшествующей сербской архитектурой, а также с византийской архитектурой позднепалеологовского и предшествующих периодов». Здесь не упомянута задача определения соотношения этих памятников с примерами западноевропейской архитектурой изучаемого периода, хотя автор неоднократно называет конкретные стилистические признаки западной архитектуры в моравских памятниках и говорит о работе мастеров из Приморья. Представляется, что подобная

задача обогатила бы работу, тем более что для ее решения исследователем уже намечены основные позиции.

Убедительно доказано, что для формирования моравской архитектуры «решающее значение имело программное обращение к традициям рашского периода», однако считаем важным добавить, что, как известно, в этот период наряду с укорененностью рашских построек в византийской традиции весьма сильно проявлялись западные влияния в их архитектуре, прочно усвоенные (ставшие своими) в памятниках рашской школы. Возможно, стоило бы отметить западные составляющие рашских храмов и конкретные черты, которые в работе названы «особенностями, восходящими к традициям архитектуры сербского Приморья». В архитектуре двух главных рашских памятников (Студеницы и Жичи) можно назвать значительно больше западных черт, чем отмечено в работе. Все эти западные влияния обусловлены известной политической и культурной ситуацией, в которой сложилась сербская средневековая архитектура: географическая и религиозная пограничность, миссионерская деятельность католических орденов, династические браки и военные союзы. Разумеется, эти черты были прочно усвоены рашской школой и уже мыслились чертами национальной сербской Церкви, но, как нам представляется, стоило бы конкретнее упомянуть об их происхождении. Автор говорит об этом лишь опосредованно, неоднократно упоминая участие в моравских постройках приморских мастеров: в архитектуре эпохи князя Лазаря «некоторые элементы почерпнуты из западной традиции через посредство приморских мастеров», а в последующий период «Ресаву строят приморские мастера (в их работе чувствуется опыт зрелых образцов архитектуры Адриатики)». Однако, говоря лишь о предшествующем моравскому периоде, автор указывает, что «некоторые мотивы приходят в архитектуру эпохи Душана с запада и затем остаются в постройках моравского периода, например, каменная резьба и украшения в виде розеток».

О собственно моравских чертах в работе справедливо говорится, что их «невозможно объяснить византийским или *каким-либо другим* (выделено мною – *A.B.*) влиянием, и которые являются определяющими для этого явления». Автор называет эти черты: доминирование однонефного компактного крестово-купольного типа, вертикализм объемно-пространственной композиции, разнообразие декора (каменная резьба и отдельные элементы западного происхождения); распределение декоративных элементов и ориентация их стилистики на старые рашские образцы; значимость периферийной зоны, в частности развитая западная часть в храмах, иногда в виде двухэтажных купольных нартексов, напоминающих храмы рашского периода, а также

боковые конхи. Приведенные черты характерны как для византийской, так и для западной архитектуры этого периода (что стоило бы подчеркнуть), и они еще усвоены рашской школой. Это же касается и упомянутого автором западного типа захоронения в храме в монастыре Архангелов под Призреном.

Ход мысли автора позволяет согласиться с его предположением о назначении боковых экседр триконхов для ктиторских захоронений, хотя, возможно, стоило бы дополнить список аналогов более ранними адриатическими триконхами, из которых упомянуто лишь три далматинских IV – VI вв. Можно было бы назвать восемь известных в настоящее время далматинских триконхов IV – VI вв., а также ряд примеров в Италии и на полуострове Истрия. Впрочем, более важно упоминание автора о хронологически более близких изучаемому периоду, хотя и более удаленных аналогах в Германии: группа романских триконхов XI–XII вв. в рейнских землях, в которых боковые конхи имели и символическое, и функциональное значение (воспроизведение чтимого образца – базилики Рождества в Вифлееме – и использование для выставления реликвий и устройства капелл).

Все названные замечания несколько не умаляют достоинств представленной работы. Рекомендуется положить исследование в основу монографии с расширенным иллюстративным материалом. Представленные к защите диссертация и автореферат Светланы Владиславовны Мальцевой в полной мере соответствуют Положению о порядке присуждения научным и научно-педагогическим работникам ученых степеней и присвоения научным работникам ученых званий, а также остальным требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации, и его автор, несомненно, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата искусствоведения.

Официальный оппонент,

зав. кафедрой Истории и теории христианского искусства ПСТГУ, к. иск.

А.А. Воронова

8 ноября 2016 г.

